

А.Б. Лавров
ФБОУ ВПО «ВГАВТ»

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕРВОГО РУССКОГО КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ 1803–1806 г. (к 210-летию начала экспедиции и 240-летнему юбилею Ю.Ф. Лисянского)

Кругосветные путешествия русских кораблей вписали в морскую историю нашей страны ярчайшую страницу, обращение к которой имеет колоссальное значение для патриотического воспитания молодёжи – особенно (но не исключительно) курсантов и студентов специальностей, связанных с судовой деятельностью, судостроением и эксплуатацией водного транспорта.

Первая русская кругосветная экспедиция, отправившаяся из Кронштадта 7.08.1803 г., т.е. 210 лет назад, воплотила в жизнь идею, возникшую почти за столетие до этого у Петра Великого, когда он в 1721 г. узнал о том, что мадагаскарские пираты ищут себе покровителя в лице какого-нибудь могущественного европейского монарха. Пётр пытался наладить контакты с пиратами и даже собирался послать корабли в Индийский океан, но так и не осуществил своё намерение [7, с. 214–218].

На протяжении всего XVIII в попытки организации дальних океанских плаваний под российским флагом неизменно терпели неудачу. Самые крупномасштабные приготовления имели место в 1786 г, когда, ознакомившись с докладом своего статс-секретаря генерал-майора Ф. И. Соимонова о нарушении неприкосновенности российских вод иностранцами, Екатерина II повелела президенту коммерц-коллегии графу А.Р. Воронцову и члену коллегии иностранных дел графу А.А. Безбородко изложить соображения по вопросу о защите российских владений на Тихом океане. Именно их предложения легли в основу указа императрицы от 22.12.1786 г. Адмиралтейств-коллегии об отправке эскадры на Камчатку для охраны российских владений: *«...по случаю покушения со стороны английских торговых промышленников на производство торгу и промыслов звериных на Восточном море, о сохранении права нашего на земли, российскими мореплавателями открытые, повелеваем нашей Адмиралтейской коллегии отправить из Балтийского моря два судна, вооруженные по примеру употребленных капитаном английским Куком и другими мореплавателями для подобных открытий, и две вооруженные же шлюпки морские или другая суда, по лучшему ее усмотрению, назнача им объехать мыс Доброй Надежды, а оттуда, продолжая путь через Сондский пролив и, оставя Японию в левой стороне, идти на Камчатку»* [9].

Начальником эскадры был назначен 29-летний капитан 1-го ранга Григорий Иванович Муловский, знавший французский, немецкий, английский и итальянский языки и с 1774 г. 12 лет служивший на кораблях в Средиземном, Черном и Балтийском морях.

Если бы этой экспедиции суждено было состояться, то в настоящее время не стоял бы вопрос о принадлежности южных Курил, Россия могла бы начать освоение Приамурья, Приморья и Сахалина на 70 лет раньше, иначе могла бы сложиться и судьба Русской Америки (т.е. Аляски и прилегающих островов).

Но война с Турцией 1787 г. перечеркнула все планы и труды. Последовало высочайшее повеление отложить экспедицию и послать эскадру Муловского в Средиземное море. Однако через год в войну с Россией вступила Швеция, что внесло коррективы и в этот план. Назначенный командиром фрегата Балтийского флота «Мстислав» Муловский погиб в сражении у о-ва Эланд 18.06.1789 г. Его смерть и начавшаяся французская революция резко изменили ситуацию: о кругосветном плавании было забыто на целое десятилетие.

На «Мстиславе» под командой Муловского сражался со шведами юный мичман Иван Крузенштерн, в 17 лет досрочно окончивший кронштадский Морской кадетский корпус из-за начавшейся русско-шведской войны. Он и его друг по Морскому корпусу Юрий Лисянский, служивший тогда на фрегате «Подражислав», обратились к Муловскому с просьбой разрешить им после войны принять участие в кругосветном плавании, и получили согласие.

Предок рода Крузенштернов немецкий дипломат Филипп Крузий (1597–1676) в 1633–1635 гг. возглавил два посольства шлезвиг-голштинского герцога Фридриха III к московскому царю Михаилу Федоровичу и персидскому шаху Сефи. Собранные Ф. Крузием и секретарем посольства Адамом Олеарием (1599–1671) путевые заметки легли в основу самого известного энциклопедического сочинения о России XVII в. – «Описания путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» А. Олеария. Вернувшись из России, Ф. Крузий перешел на службу к шведской королеве Христине и в 1648 г. получил фамилию Крузенштерн и новый герб. В 1659 г. он стал наместником всей Эстляндии. Его внук, шведский подполковник Эверт Филипп фон Крузенштерн (1676–1748), участник Северной войны, попал в плен под Нарвой в 1704 г. и, прожив в ссылке в Тобольске 20 лет, выкупил по возвращении заложенные родовые вотчины Хаггуд и Ахагфер. Помещиком имений Хаггуд, Вахаст и Перисаар был судья Иоганн Фридрих фон Крузенштерн (1724–1791), отец адмирала. В Хаггуде 8 ноября 1770 г. и родился самый выдающийся представитель семьи Крузенштерн – Иван (Адам) Фёдорович (1770–1846). Двоюродный брат его отца Мориц-Адольф (1707–1794) был выдающимся адмиралом шведского флота [2].

Юрий Фёдорович Лисянский родился 2 августа 1773 г. в семье беспоместного дворянина, исполнявшего обязанности благочинного священника в малороссийском Нежине. В Морской корпус он попал случайно, вместе со старшим братом, и вдруг, совершенно неожиданно даже для самого себя, обнаружил, что ему нравится профессия моряка [6, с. 6–7].

В 1793 г. Крузенштерна и Лисянского вместе с другими наиболее способными молодыми офицерами русского флота отправили для «повышения квалификации» в Англию, воевавшую тогда с Францией. Обоим друзьям довелось послужить в Королевском флоте, побывать в США, где Крузенштерн встретился с президентом Джорджем Вашингтоном, на островах Карибского моря, в Южной Африке и Индии, а Крузенштерну – даже в Китае. Находясь там, он ознакомился с состоянием торговли в бассейне Тихого океана и по возвращении в Россию подал Павлу I две докладные записки с обоснованием необходимости организации кругосветных плаваний в целях удешевления доставки грузов к восточным берегам России и в Русскую Америку, уменьшения потерь при перевозке мехов из этих земель в Европейскую Россию и Китай и улучшения качества доставляемых товаров. Крузенштерн также предлагал новый порядок подготовки кадров для торговых судов. К шестистам кадетам-дворянам Морского корпуса он советовал добавить еще сто человек из других сословий, которые учились бы по той же программе, но назначались на коммерческие суда. *«Я полагаю преимущественно, чтобы возложить на капитанов флота обязанность обращать внимание на корабельных юнг, то есть мальчиков, и, по открытии в которм-либо оказывающихся дарований, представлять о таковом для принятия его в корпус, – писал впоследствии Крузенштерн. – Сим образом можно было бы приобрести со временем людей, весьма полезных для государства. Кук, Бугенвиль, Нельсон не сделались бы никогда оными, каковыми явились в своём отечестве, если бы выбрали людей по одному только рождению»* [3, с. 19].

Проект был отвергнут монархом, но им заинтересовалась Российско-Американская компания (РАК), занимавшаяся пушным промыслом в Русской Америке и получившая указом Павла I от 19.07.1799 г. монопольное право эксплуатировать богатства русских владений на побережье Тихого океана, торговать с соседними странами, возводить укрепления, содержать военные силы, строить флот, а также от-

крывать и присоединять именем императора к России новые земли [12, с. 8]. С приходом в 1801 г. к власти Александра I руководство РАК, поддержанное министром коммерции графом Николаем Петровичем Румянцевым и новым вице-президентом Адмиралтейств-коллегии (впоследствии – министром морских сил империи) адмиралом Николаем Семёновичем Мордвиновым, снова предпринимает попытку добиться одобрения на высочайшем уровне идеи кругосветного плавания. В конце концов Александр утверждает план экспедиции, руководителем которой, по настоянию Мордвинова и Морского министерства (бывшей Адмиралтейств-коллегии), назначается сам автор проекта плавания – И.Ф. Крузенштерн. Последний согласился не сразу, потому что недавно женился и не хотел надолго покидать супругу. *«Но адмирал Мордвинов объявил мне, – свидетельствует он, – что, если не соглашусь быть сам исполнителем по своему начертанию, то оно будет вовсе оставлено. Я чувствовал обязанность к отечеству в полной мере и решил принести ему жертву. Мысль сделаться полезным, к чему стремилось всегда моё желание, меня подкрепляла; надежда совершить путешествие счастливо одобряла дух мой, и я начал всемерно заботиться о приготовлениях в путь, не испытанный до того россиянами»* [3, с. 22].

В июле 1802 г. было принято решение направить в кругосветное плавание 2 корабля, но казначейство выделило деньги на покупку только одного, а приобретение и снаряжение второго взяла на себя РАК. Произведённый в капитан-лейтенанты И.Ф. Крузенштерн назначается 7.08.1802 г. начальником экспедиции и командиром первого (приобретаемого на казённый счёт) из двух кораблей: капитан-лейтенант Ю.Ф. Лисянский с благодарностью принял предложение Крузенштерна командовать другим кораблём. Наряду с определёнными ранее задачами (завоз провианта и снаряжения в Петропавловск и на Аляску; географические изыскания по пути следования; опись Сахалина, лимана и устья Амура) официальной целью экспедиции стала также доставка в Японию русского посольства во главе с членом правления РАК камергером двора Его Императорского Величества Николаем Петровичем Резановым. В те времена Япония была почти полностью закрыта для европейцев (за исключением голландцев, кораблям которых было на крайне унижительных условиях разрешено заходить в порт Нагасаки) и мало им известна: предполагалось, что торговля и добрососедские отношения с ней обещают России большие выгоды.

Хотя Крузенштерну как начальнику экспедиции предоставлялось право выбора маршрута плавания и подбора по своему усмотрению экипажей для судов, новый глава Морского министерства П.В. Чичагов не советовал ему вербовать на корабли русских моряков, предлагая идти в плавание под российским флагом, но с наемными английскими матросами, якобы более опытными и привычными к таким путешествиям. Крузенштерн, однако, отверг это предложение: *«Мне советовали принять несколько и иностранных матросов, но я, зная преимущественные свойства российских, коих даже и английским предпочитаю, совету сему последовать не согласился»* [3, с. 33]. В результате команды обоих кораблей были набраны исключительно из подданных Российской империи. Нельзя не упомянуть двух совсем молодых членов экипажа флагманского корабля «Надежда» – мичмана Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена, будущего первооткрывателя Антарктиды (произведён во время плавания в лейтенанты) и кадета Отто Евстафьевича Коцебу, будущего начальника трёх российских кругосветных экспедиций [3, с. 34]. Для обоих плавание с Крузенштерном стало хорошей школой навигаторского мастерства.

Крузенштерн решительно отказался от насильственной вербовки матросов. Он брал в экспедицию только добровольцев, предлагая матросам выбор из двух возможных альтернатив: либо долгая и сравнительно безопасная служба в акватории Балтийского моря с муштрой, детскими по форме и крайне жестокими по характеру исполнения телесными наказаниями и перспективой выйти в отставку уже старыми и(ли) больными, либо участие в трёх-четырёхлетнем плавании по неизвестным морям, чревато непредвиденными рисками вплоть до гибели вместе с кораблями экспедиции,

но без телесных наказаний, с уважительным к себе отношением со стороны командного состава и выходом в отставку сразу по возвращении домой (если последнее вообще будет иметь место). Более того: он даже назначил матросам жалованье (небывалый случай в России того времени) из расчёта 120 рублей за год пребывания в плавании [3, с. 31]. От желающих служить на таких условиях просто не было отбоя, но судовой врач Крузенштерна доктор медицины Карл Эспенберг отобрал только самых здоровых.

Всего в плавании участвовали 129 человек, причём если не считать четырёх учёных – швейцарского астронома И.К. Горнера и немецких естествоиспытателей Вильгельма Тилезиуса фон Тиленау и Георга Лангсдорфа (на корабле Крузенштерна) и доктора медицины Морица Лабанда (на корабле Лисянского) – в экспедиции не было ни одного иностранца.

В Лондоне Лисянскому удалось купить за 17 тыс. фунтов (плюс 5 тыс. фунтов за последующий ремонт) два шлюпа (малых корвета) – трёхлетний водоизмещением 450 т и 15-месячный водоизмещением 370 т [3, с. 26]. Командиром первого, получившего имя «Надежда», стал И.Ф. Крузенштерн, командиром второго, названного «Невой» – Ю.Ф. Лисянский.

Капитаны проявили недюжинную заботу о здоровье экипажей в предстоящем плавании: в Англии была закуплена целая аптека лекарств и противочинготных средств, и, наряду с прочим снаряжением, удобная, прочная и соответствующая различным климатическим условиям одежда. Для каждого из матросов Крузенштерн приказал заготовить запасной комплект белья и платья, тюфяки, подушки, простыни и одеяла. Корабельная провизия была самая лучшая: закупленные по настоянию Крузенштерна сухари петербургского приготовления и солонина, посол которой отечественной солью был произведён купцом Обломковым, не испортились в течение целых двух лет [3, с. 31].

Покинув Кронштадт и выдержав бурю в Скагерраке, «Надежда» и «Нева» 28.09.1803 прибыли в *Фалмут*, Англия, где пришлось ещё раз проконопатить подводную часть обоих судов. 5 октября корабли отправились дальше к югу и 20 октября достигли острова Тенериф, откуда направились в Южную Америку. У берегов Бразилии, из-за починки «Невы», задержались более чем на месяц. 4 недели продолжалось плавание от Бразилии до мыса Горн, который без проблем обогнули 3 марта в 8 часов пополудни. Но вскоре после выхода в Тихий океан их встретили крепкие ветры с градом, снегом и туманами. Корабли разлучились, и 5 мая, через 9 месяцев после отплытия из Кронштадта, Крузенштерн один достиг *Маркизских островов* и зашёл в гавань Анны-Марии на острове *Нукагива*. 11 мая туда же прибыл и корабль «Нева», побывавший перед тем у острова Пасхи, куда Крузенштерн в свете изменившихся обстоятельств решил не заходить.

Представление широкой читающей публики об отношениях экипажей «Надежды» и «Невы» с жителями Нукагивы долгое время формировалось под влиянием второстепенных, а то и полухудожественных книг вроде «Водителей фрегатов» Н. Чуковского, которые, при всех их литературных достоинствах, рисовали не реальную, а несколько идеализированную из идеологических соображений картину. Между тем, несмотря на сравнительно любезный приём, оказанный русским морякам на Маркизских островах, сложившееся у командиров кораблей впечатление о жителях Океании было далеко не благоприятным.

«Англичанин и француз, общавшиеся с ними многие годы (Робертс и Кабри, двое европейцев, встреченные русскими на Нукагиве – А.Л.), согласно утверждали, что нукагивцы имеют жестокие обычаи, что весёлый нрав их и лицо, изъявляющее добродушие, не соответствуют ни мало действительным их свойствам, что один страх наказания и надежда на получение выгод удерживают их страсти, которые, впрочем, свирепы и необузданны. Европейцы сии, как очевидные тому свидетели, рассказывали нам со всеми подробностями, с каким остервенением нападают они во

время войны на свою добычу, с какой поспешностью отделяют от трупа голову, с какой жадностью высасывают кровь из черепа и совершают, наконец, мерзкий свой пир...

...Рассказы их согласовывались с теми признаками, которые сами мы во время краткого пребывания своего приметить могли, ибо нукагивцы ежедневно предлагали нам в меню человечьи головы, также оружия, украшенные человеческими волосами, и домашнюю посуду, убранную людскими костями; сверх сего движениями и знаками часто изъясляли нам, что человеческое мясо почитают они вкуснейшим яством. Все сии обстоятельства совокупно уверили нас в такой истине, в которой желали бы мы лучше сомневаться, а именно, что нукагивцы суть такие же людоеды, как новозеландцы и жители островов Сандвичевых. Итак, можно ли их оправдывать?... Одна только боязнь удерживает их убивать и пожирать приходящих к ним мореходцев... Во всю бытность нашу в заливе Тайо-Гое не только не подавали мы повода к какому-либо негодованию, но, напротив того, всевозможно старались делать им всё доброе, дабы внушить хорошее о себе мнение и возбудить если не благодарность, то, по крайней мере, благорасположение, однако, ничего не действовало. При выходе кораблей наших из залива, разнёсся между нукагивцами слух, что один из них разбился. Сие, конечно, произошло оттого, что мы принуждены были стать на якорь весьма близко берега... Менее нежели в 2 часа собралось множество островитян на берегу против самого корабля, вооружённых своими дубинами, топорами и пиками... Итак, какое должно было быть их притом намерение? Верно, не другое, как грабёж и убийство» [3, с. 123–124].

Эта и нижеследующие цитаты из записок Крузенштерна не приводились в советские времена в книгах, рассчитанных на массового читателя (исключение – издававшаяся у нас «История великих путешествий» Ж. Верна), вероятно, из опасения бросить тень на фигуру руководителя первой русской кругосветной экспедиции, потому что в соответствии с господствовавшими тогда (и, что гораздо важнее, сегодня – в виде закреплённой в законодательствах «цивилизованных» стран и навязываемой России концепции «толерантности») идеологическими догмами, подобные взгляды могли иметь только жестокие колонизаторы-расисты. Интересно, что в эту категорию советский официоз «определил» в своё время и легендарного английского капитана Кука [1, с. 880], которого Крузенштерн в своём отчёте критикует как раз за ... чрезмерное уважение к туземцам и приписывание последним несуществующих добродетелей!

«Из сего описания нукагивцев, которое... в самом деле основано на совершенной справедливости, каждый удостоверится, что они не знают ни законов, ни правил общежития и, будучи чужды всякого понятия о нравственности, стремятся к одному только удовлетворению своих телесных потребностей. Они не имеют ни малейших следов добрых наклонностей и, без сомнения, не людьми, но паче заслуживают быть называемы дикими животными... Сколько ни приносит чести Куку и его спутникам, что они желали оправдать в неприкосновении к людоедству таких островитян, которые навлекли их в том на себя подозрение, однако, следовавшие за ними путешественники доказали потом неоспоримо, сколь легко одни поверхностные замечания доводить могут до несправедливых заключений» [3, с. 124–126].

Разумеется, большинство великих мореплавателей и путешественников XV–XIX вв. объективно являлись проводниками колониальной политики своих правительств. Но судить о мировоззрении и нравственных качествах того или иного исторического деятеля можно только на основе этического анализа средств, которыми он пользовался для достижения собственных, или поставленных перед ним, целей, в контексте всей совокупности известных в рассматриваемую эпоху способов получения аналогичных результатов. В XVI–XIX вв. силовые методы разрешения даже незначительных конфликтов с «дикарями» были в порядке вещей и широко применялись европейцами. Заслуживал ли характеристики «жестокий колонизатор» командир, при-

казывавший своим подчинённым «*делать всё от себя зависящее, чтобы поддерживать дружбу с туземцами и относиться к ним со всей возможной гуманностью*» [4, с. 150], старавшийся помочь туземцам решить проблему голода (вплоть до завоза на острова крупного рогатого скота и обучения туземцев его разведению с целью искоренения людоедства), не мстивший островитянам за своих убитых и даже съеденных соотечественников? В отличие от таких мореплавателей, как Колумб, Васко да Гама, Оливер Ван Ноорт, непосредственный предшественник Кука Сэмюэль Уоллис, открывший в 1767 г. о-в Таити, и мн. др., Кук принадлежал к тем европейцам, которые руководствовались в отношении к туземцам принципом «подчинить и окультурить». С их точки зрения, жителей колонизируемой территории следовало не истреблять или превращать в рабов, а просвещать, учить более передовым методам ведения хозяйства и приобщать к культуре и моральным нормам европейской цивилизации. Как многие приверженцы таких идей, Кук старался последовательно их реализовывать в своих экспедициях, недооценивая глубину различия менталитетов и этических норм европейцев и островитян и нередко действуя поэтому в ущерб собственной безопасности – что и привело, в конце концов, к его гибели на Сандвичевых островах в 1779 г. Применение силы против жителей открытых или исследуемых земель противоречило убеждениям Кука, и он шёл на это только в крайнем случае и исключительно в целях защиты вверенных ему людей – матросов, солдат, офицеров и учёных, находившихся на борту его кораблей. Нежелание бросать на произвол судьбы своих подчинённых и стремление защитить их – по возможности без кровопролития, но если ничего другого не оставалось, то и с помощью оружия – свидетельствовали не о его жестокости, а о высоком чувстве лидерской и чисто человеческой ответственности.

Этим чувством в полной мере обладал и Крузенштерн, писавший свою книгу не как трактат на философскую или этическую тему и не как простой «отчёт о проделанной работе». В значительной степени она являлась инструкцией для тех русских моряков, которым предстояло уже после автора отправиться в кругосветные плавания. Подробно останавливаясь на весьма неприглядных чертах характера и обычаях туземцев, мореплаватель предупреждал тем самым своих будущих последователей о подстерегающих их опасностях, желал помочь им избежать трагических последствий заблуждений Кука и ряда других европейских мореходов прошлого, павших жертвами якобы «добродушных» и «гостеприимных» островитян.

18 мая экспедиция покинула Маркизские острова и 7 июня достигла Гавайских (Сандвичевых) островов. Здесь корабли, согласно разработанному Крузенштерном плану, разделились: «Надежда» взяла курс на Камчатку и далее в Японию, а «Нева» направилась к острову Кадьяк, где должна была на некоторое время поступить в распоряжение Александра Андреевича Баранова (1790–1818), назначенного РАК с санкции императора Главным правителем Русской Америки.

Японская миссия Резанова завершилась неудачно: придерживавшийся изоляционистской политики микадо отказался принять подарки и заключить договор с Россией. Необходимо, однако, отметить, что японцы, желая поскорее и без конфликтов выпроводить русских из своего порта Нагасаки, бесплатно починили «Надежду» и снабдили её экипаж двухмесячной провизией и, сверх того, двумястами мешками соли и ста мешками «пшена сарачинского» (риса), каждый весом в $3\frac{3}{4}$ пуда [3, с. 191].

На обратном пути на Камчатку Крузенштерн исследовал западные берега Японии и Сахалина. Прибыв в Петропавловск 5.06.1805 г. и высадив здесь Н.П. Резанова со свитой и естествоиспытателя Лангсдорфа, он продолжил исследования у сахалинского побережья, заходил в лиман реки Амур и сделал ряд открытий в Охотском море. 9.10.1805 г. «Надежда» окончательно покинула Камчатку и с грузом местной пушнины отправилась в Макао, где должна была встретиться с «Невой».

Тем временем Лисянский помог А.А. Баранову подавить мятеж индейцев на берегах Ситкинского залива и заключить с ними мир. За время пребывания «Невы» в Русской Америке (с июля 1804 г. по сентябрь 1805 г.) Юрий Фёдорович исследовал о-в

Кадьяк и Ситкинский залив и первым из европейцев совершил восхождение на расположенный на берегу этого залива потухший вулкан Эчком, определив его высоту как 8000 футов (2400 м) над уровнем моря [6, с. 243].

Путь «Невы» в Китай на рандеву с «Надеждой» ознаменовался одним географическим открытием: 15.10.1805 г. в 10 ч вечера корабль сел на мель у не обозначенного на картах островка. На снятие шлюпа с мели и последующую погрузку на борт выброшенных тяжёлых вещей ушло почти 2 дня (с 22.00 15.10 до 19.00 17.10), а открытый таким образом остров, примыкающий к Гавайскому архипелагу, был назван в честь командира корабля – островом Лисянского [6, с. 271–272, 276]. По этой причине «Нева» прибыла в Макао на 13 дней позже «Надежды».

На переговоры с китайскими чиновниками по поводу продажи мехов и преодоление многочисленных бюрократических препон ушло ещё 2 месяца, и только 9.02.1806 г. «Надежда» и «Нева» вместе двинулись в обратный путь. Пройдя Индийский океан, корабли в темноте опять потеряли друг друга. На этот случай в качестве места встречи был предусмотрен остров Св.Елены, куда «Надежда» и прибыла 4 мая. «Невы» на рейде не было: как выяснил на берегу Крузенштерн, она вообще здесь не появлялась. Это особенно беспокоило его потому, что он также узнал о начале войны России с Францией: *«много сожалел я, что Лисянский, не уважив назначения моего, не зашёл к острову Св. Елены. Взаимная безопасность требовала непременно находиться теперь нам вместе»* [3, с. 426].

Прождав «Неву» ещё 4 дня, Крузенштерн взял курс на север. В сложившихся обстоятельствах он решил не идти через Ла-Манш, где можно было встретить французских каперов (корсаров), а обогнуть с севера Британские острова. После благополучного плавания в Северной Атлантике «Надежда» возвратилась в Кронштадт 19 августа 1806 г. Там её уже ждала «Нева», вернувшаяся домой 5 августа, т.е. на 2 недели раньше «Надежды».

Как оказалось, Лисянский не зашёл на остров Св.Елены потому, что у него возникла идея установить мировой рекорд автономного плавания для парусных судов – пройти от Китая до Англии без захода в какие бы то ни было порты. Ему это удалось: проведя 3,5 месяца в открытом море, «Нева» без остановок дошла до Портсмута, бросив якорь на рейде этого порта 28 июня. Здесь Лисянский узнал о войне с Францией, но решил рискнуть ещё раз и провёл своё судно Ла-Маншем, как это первоначально и планировалось. И снова ему повезло: покинув Портсмут 13 июля, «Нева» уже через 10 дней была в Балтийском море.

К сожалению, удачи Ю.Ф. Лисянского дали почву для многочисленных спекуляций досужих публицистов и так называемых исследователей на тему о том, кто из двух командиров русских кораблей сыграл более весомую роль в этой экспедиции. В предисловии к впервые переизданной в середине прошлого века книге Лисянского «Путешествие вокруг света на корабле «Нева» говорилось следующее: *«... Общепринятое представление о ведущей роли Крузенштерна в первом кругосветном путешествии не соответствует действительности. Не меньшее, если не большее значение в проведении всей экспедиции сыграл Ю.Ф. Лисянский, и если он до сих пор остался менее известным в широких кругах читателей географической литературы, то только по своей исключительной скромности...»* [8]. Эта тенденция с новой силой заявила о себе в более поздних публикациях, включая совсем недавние – вроде статьи Николая Мусиенко «Жил отважный капитан» в газете «Правда» (№ 82 (30000), 2013). Мусиенко перечисляет ряд рекордов, установленных Юрием Фёдоровичем во время путешествия, пытаясь тем самым доказать, что достижения Лисянского в плавании намного превосходят достижения Крузенштерна. Но при внимательном рассмотрении этого списка становится очевидным, что названные достижения либо были результатом счастливого стечения обстоятельств, либо в менее благоприятной для Лисянского ситуации могли бы обернуться своей противоположностью. Так, «Нева» первой из двух русских кораблей пересекла меридиан мыса Горн и вошла в Тихий океан (эле-

мент случайности очевиден), первой посетила остров Пасхи (Крузенштерн вполне мог сделать то же самое, но решил не терять время на такое отклонение от изменившегося курса; кроме того, Лисянский не приставал к этому острову, а лишь осматривал его с борта корабля), первой из парусных судов без остановки прошла путь из Китая до Англии и первой вернулась в Кронштадт [8]. Представим себе, что в автономном плавании вдали от берегов «Нева» попала бы в полосу штиля или встретила сильный противный ветер – тогда вместо рекорда вполне могло бы иметь место досадное фиаско. Кроме того, не зайдя после разъединения кораблей в океане на остров Св. Елены, Лисянский поставил Крузенштерна, в свете изменившихся обстоятельств (начало войны), в очень сложное положение, поскольку последний, как командир экспедиции, нёс ответственность не только за «Надежду», но и за «Неву». Оправданием для Лисянского служит то, что и сам Крузенштерн поступил аналогичным образом, когда в похожей ситуации в Тихом океане проигнорировал остров Пасхи (видимо, существовала договорённость между капитанами не следовать в таких случаях букве первоначального плана, а поступать, исходя из обстоятельств, по своему усмотрению). А если бы в Ла-Манше Лисянский столкнулся с превосходящими силами французских каперов, он в лучшем случае потерял бы в кровопролитном сражении многих членов своего экипажа, а корабль, возможно, пострадал бы до такой степени, что пришлось бы идти на ремонт в ближайший английский порт и уж наверняка забыть об установлении рекордов скорости. В худшем же мы бы так никогда и не узнали подробностей путешествия капитан-лейтенанта Лисянского в Русскую Америку, и маленький островок в Гавайском архипелаге носил бы имя какого-нибудь наткнувшегося на него значительно позже американца или англичанина (знавший об открытии своего сотоварища Крузенштерн не имел бы возможности подтвердить его документами).

Ещё дальше идут Ирина Куканова в своей статье «Драма первой русской кругосветки» («Волго-Невский проспект», №7 (25) от 7.04.2006 г) и анонимный автор выложенной в интернете (<http://gezanolov.krasu.ru>) статьи «Путешествие вокруг света на кораблях «Нева» и «Надежда» (именно в такой последовательности!). Первая изображает Крузенштерна примитивным завистником и намекает, что именно интриги бывшего начальника помешали Юрию Фёдоровичу занять после плавания достойное его таланта положение в военно-морской иерархии: *«Можно представить себе досаду и разочарование Крузенштерна: у него оказалась отобранной такой исторический шанс, какой выпадает лишь один раз в жизни. Возможно, Иван Фёдорович пожалел о своей осторожности на последнем этапе пути, когда не пошёл Английским каналом, а избрал длинный, но более безопасный путь вокруг Британии. Бесстрашие, целеустремлённость и мастерство Юрия Лисянского победили точный расчёт и осмотрительность Ивана Крузенштерна (за это, кстати, моряки и прозвали его «немцем» (?!) – а кем он на самом деле был? – А.Л.)... А вот для Юрия Фёдоровича Лисянского то историческое обстоятельство, что он стал первым русским кругосветным мореплавателем, похоже, неблагоприятно повлияло на дальнейшую карьеру. Его интереснейшую книгу о кругосветном плавании «Невы» не удавалось издать 6 лет даже на собственный счёт. В 1809 г. он был вынужден выйти в отставку в чине капитана 1 ранга, оказавшись совершенно отодвинутым от морских дел»* [5].

Второй не останавливается и на этом и доходит до обвинения Крузенштерна в навигаторской некомпетентности: *«Не случайно, вероятно, и то обстоятельство, что «Надежда» в течение своего плавания несколько раз находилась в весьма рискованном положении, в то время как «Нева» только один раз села на коралловый риф и притом в таком месте, где его нельзя было ожидать по картам»* [11].

Хотелось бы посоветовать И. Кукановой воздержаться от фантазий и обратиться к фактам. Поскольку большую часть кругосветного плавания (720 дней из 1095) Крузенштерн и Лисянский совершили отдельно друг от друга, оба командира решили, что нужно опубликовать две самостоятельные книги об этом путешествии. Однако чиновники Морского министерства посчитали нужным выделить средства на публика-

цию книги только официальному руководителю экспедиции, т.е. И.Ф. Крузенштерну. Поэтому именно он издал за казённый счёт в 1809–1813 гг. 3 части своей рукописи «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева» (1310 страниц) и «Атлас к путешествию вокруг света капитана И.Ф. Крузенштерна». Книга же Ю.Ф. Лисянского «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 гг. на корабле «Нева» под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана I ранга Юрия Лисянского» (в трёх частях, считая сопровождающий её атлас) была отвергнута из-за того, что министерство просто не захотело тратить на издание второй книги об одной и той же (по мнению морского министра П.В. Чичагова) экспедиции [6, с. 15–16]. Чиновники не заметили или не захотели заметить, что произведения Лисянского и Крузенштерна отличаются одно от другого содержанием: у Крузенштерна нет ни слова о Русской Америке (где он не был), описание которой составляет почти всю 2-ю часть книги Лисянского!

Как видим, в отношении Юрия Фёдоровича действительно была допущена несправедливость, но винить в ней следует не Крузенштерна, а Морское министерство и лично адмирала Чичагова, который по должности обязан был понимать специфику, историческое и международное значение и объективную значимость отчётов обоих главных участников первой русской кругосветной экспедиции.

В конце концов Лисянский всё-таки издал свою книгу, потратив на это все собственные сбережения. Однако читающая российская публика отнеслась к его произведению на редкость прохладно (было продано не многим более 200 экземпляров) – но не потому, что, как пишет Н. Мусиенко *«интерес её был вполне удовлетворён описанием того же самого (? – А.Л.) путешествия, вышедшим ... из-под пера Ивана Крузенштерна (опять Крузенштерн виноват! – А.Л.)»* [8]. Книга последнего, хоть и была выпущена «по горячим следам», продавалась не лучше. Вероятно, российские читатели просто не были пока готовы к восприятию литературы такого рода. Потерпев фиаско на Родине, Лисянский самостоятельно перевёл свою книгу на английский язык, и на Британских островах половина её тиража была раскуплена за 2 недели. А уход Юрия Фёдоровича со службы в январе 1809 г. в возрасте 36 лет, в чине капитана I ранга, был вызван такой банальной причиной, как «дурное состояние здоровья» (он скончался 22 февраля 1837 г., а не в 1839 г., как утверждает Куканова). [6, с. 14, 17] – хотя, разумеется, каждый волен строить по этому поводу свои предположения.

Анонимный же автор с krasu.ru невежественно игнорирует тот факт, что маршрут «Невы» во время кругосветного плавания проходил преимущественно по открытому океану, где шансы сесть на мель или повредить днище судна о рифы сравнительно невелики, в то время как Крузенштерн на «Надежде» достаточно долго и тщательно исследовал береговые линии различных земель и мелководные заливы и проливы, изобилующие островками, мелями и рифами, многие из которых в то время или вообще не значились на навигационных картах, или были нанесены на них с большими ошибками – и видел свою задачу именно в том, чтобы создать более точные и пригодные для практического использования карты этих акваторий. Поэтому более объективной, нежели демагогические выкладки кукановых и krasu.ru, выглядит весьма сдержанная, даже заниженная оценка Крузенштерна и его трудов Жюлем Верном в 3-м томе знаменитой «Истории великих путешествий», в которой известный писатель выступает в роли историка географических исследований: *«Мы не обязаны этому мореплавателю каким-либо важным открытием, но он проверил и уточнил открытия своих предшественников. В конце концов, роль путешественников XIX столетия чаще всего и должна была сводиться к этому, так как благодаря прогрессу науки на их долю оставалось завершение работ более ранних мореплавателей»* [1, с. 722].

Заведомо предвзятый, тенденциозный подход к оценке фактов и исторических личностей, который демонстрирует Н. Мусиенко и особенно И. Куканова и krasu.ru в отношении Крузенштерна, может, между прочим, быть при желании применён и к фигуре Ю.Ф.Лисянского, которому в этом плавании тоже не всегда улыбалась удача.

Так, длительная (с 21.12.1803 по 2.02.1804) стоянка русских кораблей у берегов Бразилии была вызвана необходимостью замены на «Неве» повреждённых фок- и грот-мачты; между тем «Надежда» за всё время плавания не лишилась *«не только мачты, ни стеньги, ни рея, ни якоря, ни каната»* [3, с. 432]. При переходе «Невы» из Русской Америки в Макао, подмокла, сгнила и была выброшена за борт часть ценных мехов, загруженных на Аляске для продажи в Китае [6, с. 283–286]. Не в пользу Лисянского складывается и итоговое соотношение людских потерь: «Надежда» потеряла в плавании только двух человек (повара посла, болевшего туберкулёзом ещё до поступления на судно, и лейтенанта Головачёва, застрелившегося по непонятным причинам у о. Св. Елены), а «Нева» – 6 (1 матрос упал в море во время шторма, двое умерли от случайных болезней и трое погибли в боях в Ситкинском заливе) [14, с. 56]. Свидетельствуют ли эти факты о том, что Ю.Ф. Лисянский – лихач-авантюрист, не заботившийся ни о безопасности членов своего экипажа, ни о сохранности вверенного ему корабля и компанейского груза? Подобный вывод полностью соответствовал бы логике рассуждений Кукановой и krasu.ru, но объективному исследователю не подобает руководствоваться такой, с позволения сказать, логикой.

Особую тревогу внушает то, что «разоблачительные» публикации вроде вышеупомянутых часто попадают в поле зрения молодых людей, в том числе школьников, которые, не имея привычки к чтению и потребности в самостоятельном поиске информации и будучи уже развращены культивирующими примитивно-мещанские взгляды на исторические события и исторических личностей СМИ, не только принимают такую демагогию всерьёз, но ещё и цитируют её на услужливо предоставляемых потребителям этой возрастной группы интернет-ресурсах (<http://libertalia.ru/forum/showthread.php?t=4692>; http://uznaika.ucoz.ru/publ/8_klass/1_e_russkoe_krugosvetnoe_puteshestvie/45-1-0-774 и т.п.). В результате у молодёжи формируется совершенно искажённое, даже уродливое представление о двух выдающихся людях, вся жизнь которых могла бы служить (и долгое время служила) примером высокой нравственности, верности своему долгу, плодотворной и во многих отношениях подвижнической деятельности на благо Отечества. Вот что говорил сам Ю.Ф. Лисянский об И.Ф. Крузенштерне и причинах, по которым он, Лисянский, согласился отправиться в плавание под началом своего бывшего однокашника: *«Долговременное моё знакомство с этим человеком отличных дарований (Крузенштерном – А.Л.), прежнее путешествие наше в Америку и Восточную Индию, а больше всего желание быть полезным Отечеству в столь важном случае было причиной того, что я, невзирая на старшинство своей службы, согласился совершить столь отдалённое путешествие под его начальством...»* [6, с. 22]. Если сравнить эти слова с приводившейся выше цитатой из книги И.Ф. Крузенштерна, то духовная общность двух русских капитанов становится очевидной.

Вероятно, Н.С. Мордвинов настаивал на утверждении начальником экспедиции именно И.Ф. Крузенштерна, а не Ю.Ф. Лисянского, кандидатура которого рассматривалась поначалу РАК, не только потому, что Иван Фёдорович был уже опытным и умелым навигатором (этим требованиям в полной мере отвечал и Лисянский), но и потому, что в качестве автора проекта кругосветного плавания он показал себя человеком, обладающим незаурядным стратегическим мышлением. Это становится очевидным при чтении его книги, особенно в сравнении её с книгой Ю.Ф. Лисянского. Последняя представляет собой нечто вроде увлекательного репортажа об основных событиях путешествия в комбинации с описаниями полученных впечатлений и результатов наблюдений, но в ней практически отсутствуют более широкие обобщения и видения перспектив. В книге же Крузенштерна авторский анализ ситуации, концептуальные выводы и конструктивные предложения, касающиеся совершенствования различных аспектов общественной жизни – от мореплавания до российско-китайской торговли и благоустройства быта населения северо-восточных окраин России – составляют значительную часть её содержания. Так, целую главу своей книги Иван Фё-

дорович посвятил описанию Камчатки, дополнив тем самым труды Крашенинникова и Шталлера [3, с. 311, 322–346]. Не ограничиваясь простой фиксацией фактов, свидетельствующих о бедственном положении жителей Камчатки, он предложил комплекс вполне конкретных и осуществимых мер по улучшению снабжения полуострова, развитию там земледелия, привлечению в Петропавловск и другие местные селения квалифицированных врачей и иных специалистов, помощи туземному населению – камчадалам и т.п. В связи с этим нельзя не привести здесь отрывок из данной главы, который говорит о человеческих качествах как самого Ивана Фёдоровича, так и его товарищей по плаванию, пожалуй, больше, чем любые другие относящиеся к этому путешествию документы – и потому вряд ли нуждается в каких-либо комментариях:

«Недостаток в соли превосходит даже и недостаток самой муки. Сделанный по прибытии нашим кому-либо подарок, состоящий из нескольких фунтов соли, почитался важнейшим ... Если бы не было недостатка в соли и если бы продавалась она не высокою ценою, тогда не имели бы нужды есть одну сушеную рыбу: соленая здоровее и составляла бы приятную перемену; сверх того, в какой пище не нужна сия необходимая приправа? Солдат получает, на все, по одному фунту в месяц, а несколько сами вываривают, но камчадалам не дают нисколько... В рассуждении сего предмета сделали мы также великое для Камчатки благодеяние. Прежде упомянуто, что японское правительство подарило нам при отбытии из Нагасаки около 1000 пудов соли. Все сие количество, выключая около 200 пудов, удержанных мною для нашего продовольствия, оставлено в Камчатке, так что каждый житель снабжен через то достаточно почти на три года. Сия соль тотчас была разделена между жителями и притом приняты меры, чтобы купцы, как единственные тамошние капиталисты, не могли покупать более соли, кроме нужной для собственного употребления, ибо в противном случае возвысили бы они цену до того, чтобы могли получить барыши от 1000 до 2000 %. (В других российских областях продается соль от казны не выше 1 копейки за фунт, но в Камчатке стоит оной 1 фунт нередко 100 и 150 копеек) ... При сем не могу я никак умолчать и не отдать справедливой похвалы своим служителям (матросам – А. Л.), которые оказали величайшее бескорыстие принятием истинного участия во жребии своих собратьев, живущих в Камчатке. По получении нами соли в Японии объявил я им, что офицеры не хотят взять из оной своей доли, а потому принадлежат им одним все количество; «вы знаете, – сказал я, – что можете продать ее в Камчатке высокою ценою и получить для себя знатный прибыток, однако, невзирая на то, надеюсь я твердо, что вы роптать не будете, если отдам я всю соль камчатскому губернатору для деления оной между тамошними жителями, которые претерпевают в ней крайнюю нужду». Ни один из них не противоречил, все единогласно отвечали: «мы на сие охотно соглашаемся, бедные камчатские жители долго корабля «Надежды» не забудут, они станут верно напоминать о нас с благодарностью, а сего для нас уже и довольно». Кроме такового знатного количества соли, оставлено мною в Камчатке около 75 пудов крупы сарачинской» [3, с. 329].

Не вдаваясь в подробный анализ результатов экспедиции, автор статьи считает нужным отметить, что они полностью подтвердили правильность выбора, сделанного РАК и Н.С. Мордвиновым. Ж. Верн основательно погрешил против истины, заявив, что во время путешествия не было сделано никаких важных географических открытий. На самом деле русские мореплаватели открыли в общей сложности 16 неизвестных до этого островов. Были обнаружены и исследованы некоторые природные процессы и явления в Мировом океане. Фундаментальный «Атлас Южного моря» И.Ф. Крузенштерна фактически ознаменовал новую эру в картографии и в течение всего XIX в. оставался важнейшим практическим руководством для плавания по Тихому океану.

С кругосветного путешествия 1803–1806 гг. началась эпоха русских океанских плаваний: за ним последовали экспедиции В.М. Головнина, О.Е. Коцебу,

М.Н.Васильева, Г.С. Шишмарева, Ф.П. Литке, Ф.П. Врангеля и мн. др. Всего лишь через 12 лет после возвращения Крузенштерна участник его плавания Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев открыли новый континент – Антарктиду. Так Россия завершила эпоху Великих географических открытий.

Ещё на Камчатке Иван Фёдорович получил от императора орден Св. Анны, а по возвращении в Петербург – чин капитана 2 ранга и орден Св. Владимира 3 степени с рескриптом: *«Нашему флота капитан-лейтенанту Крузенштерну. Свершив с вождельным успехом путешествие кругом света, вы тем оправдали справедливое о вас мнение, в каком с воли Нашей было вам вверено Главное руководство сей экспедиции»* [2]. Лисянский также получил орден Св. Владимира 3 степени; кроме того, обоим командирам кораблей было назначено 3000 рублей пенсии в год от казны, а Лисянскому – ещё и 10 тыс. от РАК. Офицеры обоих кораблей получили следующие чины, лейтенанты по 1000, а мичманы по 800 рублей пожизненного *пенсии*. *Нижние чины*, по желанию, были уволены в отставку и награждены пенсионом от 50 до 75 рублей. По высочайшему повелению была выбита особая медаль для всех участников путешествия [9].

Дальнейшее служение Ивана Фёдоровича русскому флоту и русской науке полностью опровергает все инсинуации его «разоблачителей». В 1808 г. он стал почетным членом Адмиралтейского департамента, а 1 марта 1809 г. был произведен в капитаны 1-го ранга и назначен командиром корабля «Благодать» в Кронштадте. 14 февраля 1819 г. его произвели в капитан-командоры, в 1823 г. назначили неперменным членом Адмиралтейского департамента. 8 января 1826 г. в чине контр-адмирала Крузенштерн был назначен помощником директора Морского кадетского корпуса, а с 14 октября того же года стал его директором и находился на этом посту 15 лет. Он отменил в корпусе телесные наказания, ввел новые дисциплины, основал музей корпуса с моделями кораблей, обсерваторию и библиотеку, создал офицерские классы для дальнейшего обучения наиболее способных гардемарин, с отличием окончивших корпус (впоследствии эти классы были преобразованы в Морскую академию) [2]. В память о деятельности Крузенштерна в Морском кадетском корпусе сохранен его кабинет, а выпускники, поддерживая традицию, в ночь перед выпуском надевают тельняшку на «бронзового адмирала».

В 1827 г. Крузенштерн стал неперменным членом Ученого комитета Морского штаба и членом Адмиралтейского совета, в 1829 г. произведен в вице-адмиралы, а в 1841 г. стал полным адмиралом [9]. При его непосредственном участии были организованы плавания Коцебу, Врангеля, Литке; он одним из первых высказал мысль о необходимости экспедиции в Антарктику и написал для неё инструкцию; именно он предложил назначить начальником этой экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена. Неудивительно, что Иван Фёдорович стал одним из членов-учредителей Русского Географического общества в 1845 г. [14, с. 61].

Его заслуги были высоко оценены и в ученом мире. Ещё перед отплытием, 25 апреля 1803 г., Крузенштерн был избран членом-корреспондентом Академии наук. Видные ученые Академии приняли участие в разработке инструкций по различным отраслям научных исследований. Впоследствии Крузенштерн избрали почетным членом Российской Академии наук, членом-корреспондентом академий Парижа, Лондона и Геттингена [9]. В 1820 г., то есть при жизни Ивана Фёдоровича, в Лондоне вышла книга, содержащая обзор главных кругосветных плаваний всех времен и народов, под «говорящим» названием «От Магеллана до Крузенштерна» [2].

В 1842 г. И. Ф. Крузенштерн вышел в отставку и поселился близ Ревеля (сегодня Таллинн), где и скончался в 1846 г. [9]. Его имя присвоено 4-мачтовому учебному парусному судну, увековечено на картах мира в названиях многих географических объектов.

Первая часть книги Крузенштерна о кругосветном путешествии вышла в свет в 1809, а вторая – в 1810 г. Вскоре эта книга была переиздана в Англии, Франции, Ита-

лии, Голландии, Дании, Швеции и Германии. К путевым запискам Крузенштерна прилагались чукотский и айнский словари, переданные ему поручиком Кошелевым и лейтенантом Давыдовым [3, с. 261, 10]. Уникальная коллекция бытовых предметов, привезенная экспедицией с островов Тихого океана и из Северной Америки, была передана в Музей этнографии Академии Наук [10].

Однако педагогическое значение наследия первого русского кругосветного плавания не исчерпывается одними лишь примерами интеллектуальных достижений, личного мужества и высоких нравственных качеств её участников. Именно сегодня, в социокультурной ситуации, принципиально отличающейся от сложившейся в Европе и Северной Америке к началу позапрошлого столетия, обращение к подлинным запискам Крузенштерна и Лисянского представляет отнюдь не чисто теоретический интерес не только для этнографов или морских историков, но и для тех психологов и педагогов, которые пытаются выявить причины и понять сущность происходящих на наших глазах изменений в сфере семейного и школьного воспитания.

В своё время Ж.Верн, осуждая Крузенштерна за излишнюю резкость и категоричность его суждений о полинезийцах, утверждал, что оправданием для последних могли служить неблагоприятное с точки зрения условий для культурного развития географическое положение их земель и скудность имевшихся в их распоряжении природных ресурсов [1, с. 717]. Невозможно, однако, найти никаких оправданий для западных «психологов» и «педагогов» середины XX в, идеализировавших отношения между взрослыми и детьми в примитивных сообществах жителей островов Океании. В первую очередь сказанное относится к культурным антропологам Рут Бенедикт (1887–1948) и Маргарет Мид (1901–1978), гипертрофировавших роль т.н. «кризиса переходного возраста» в возникновении психических искажений человеческой личности. Бенедикт и Мид считали возможным и даже необходимым полное устранение психологических проблем пубертационного периода посредством замещения традиционной западной парадигмы «дискретного» развития ребёнка (характеризующейся различием нормальных типов поведения человека в детстве и во взрослом состоянии и якобы «скачкообразностью» перехода из одного состояния в другое) типичной для примитивных культур практикой «непрерывного» развития (характеризующейся, напротив, отсутствием со стороны общества ожидания от детей, юношей и взрослых различных форм поведения) [13, с. 84].

К недостаткам «дискретной» воспитательной парадигмы, якобы превращающим её в орудие невротизации и источник всех основных психологических проблем молодёжи Мид и Бенедикт относили [13, с. 83–84]:

1) отсутствие ответственности у ребёнка в западной культуре (сравнительно позднее приучение детей к взрослой деятельности, в противоположность примитивным сообществам, где «работа» взрослых и «игра» детей часто включают в себя одни и те же занятия, например, метание копья или стрельбу из лука);

2) подчинённая роль ребёнка в западной культуре – в сравнении с его ролью в примитивных культурах, где родители даже не пытаются доминировать над детьми, и доминирование по старшинству – а точнее, с позиции силы, – имеет место исключительно среди кровных братьев и сестёр. Это якобы не создаёт контраста при переходе из детского во взрослое состояние, потому что по мере взросления ребёнка постепенно увеличиваются его собственные силы и уменьшается количество людей, доминирующих над ним;

3) различие сексуальных ролей детей и взрослых в западной культуре (подавление детской и подростковой сексуальности) – в сравнении с почти полным отсутствием запретов на детский секс (кроме инцеста) в примитивных сообществах.

Эта, с позволения сказать, теория не заслуживала бы серьёзного рассмотрения, если бы не была воспринята «на ура» апологетами т.н. «воспитания без насилия», не породила целое «педагогическое» направление («антипедагогическое»), и, что самое страшное, не легла в основу современной юридической концепции «прав ребёнка»,

воплощённой в Конвенции ООН 1989 г., в других межгосударственных договорах и обязательствах, в «детозащитных» законах западных стран, а теперь уже – и в ряде законов РФ (особенно в последней редакции «Закона об образовании» и ст. 156 УК). Деструктивные последствия применения всех этих законов отнюдь не являются результатом их неправильного толкования или недоработанности формулировок, а напротив, прямо вытекают из самой их идеологической основы, в частности, из рекомендаций М.Мид по изменению семейной политики. Ещё в 1950 г. она заявила о необходимости – опять-таки по образцу полинезийских сообществ! – ослабления семейных связей и предоставления подросткам большей свободы делать собственный выбор и жить собственной жизнью. По Мид, конфликт между поколениями внутри семьи можно свести к минимуму, если не требовать от детей полного послушания. Более того: в целях уменьшения зависимости детей от старших она предлагала принимать молодёжь во взрослое общество в более раннем возрасте, в частности, давать подросткам возможность поступать на оплачиваемую работу (хотя бы при неполном рабочем дне или неделе). И если обзаведение детьми, как считала Мид, лучше откладывать на более позднее время, то к сексуальным отношениям или вступлению в брак это не относится. Результатом такой политики должно было стать, по мнению культурного антрополога, обеспечение более плавного и лёгкого перехода от юности к взрослости, что якобы и означает гуманизацию межпоколенных отношений и общества в целом [13, с. 85].

Необходимо акцентировать внимание на самом важном аспекте рекомендаций Мид, а именно на том, что она предлагает обществу программу замены его *культурного кода* – причём на модель, функционирующую в первобытном социуме с примитивной экономикой, социальной структурой и культурным уровнем. Есть ли хоть какие-нибудь основания полагать, что такая радикальная перестройка системы социализации подрастающего поколения обеспечит нравственный прогресс общества? Как ни странно, но в ответе на этот вопрос могут существенно помочь материалы 1-й русской кругосветной экспедиции. Вот как характеризует И.Ф. Крузенштерн отношения между старшим и молодым поколениями в тех культурах, которые Мид и Бенедикт преподнесли западному обществу в качестве образцовых в части воспитания молодёжи:

«Во время голода убивает муж жену свою, отец – детей, взрослый сын – престарелых своих родителей, некут и жарят их мясо и пожирают с чувством великого удовольствия... Одних только жителей островов Товарищества не подозревают ещё, чтобы они были людоеды. Одних их только признают вообще кроткими, неисторченными и человеколюбивыми из всех островитян Великого океана. Они-то наиболее возбудили новых философов с восторгом проповедывать о блаженстве человеческого рода в естественном его состоянии. Но и на сих островах мать с непонятным хладнокровием умерщвляет новорожденное дитя своё для того, чтобы любостраствовать опять беспрепятственно» [3, с. 124–125].

Далее Крузенштерн описывает случай, которому сам был свидетелем у побережья острова Ов(а)иги (Гавайский архипелаг): *«...привёз один островитянин очень молодую девушку, уповательно, дочь свою, и предлагал её из корысти на жертву. Она по своей застенчивости и скромности казалась быть совершенно невинною; но отец её, не имев успеха в своём намерении, весьма досадовал, что привозил товар свой напрасно»* [3, с. 131].

А вот свидетельства Ю.Ф. Лисянского: *«Король (острова Ов(а)иги – А.Л.) дал Юнгу (англичанину, жившему на острове – А.Л.) землю с некоторым числом людей. В одном из принадлежавших ему семейств находился мальчик, которого все любили. Отец его поссорился со своей женой и решил с ней развестись. При этом вышел спор, у кого должен остаться сын. Отец сильно настаивал оставить его при себе, а мать хотела взять с собой. Напоследок отец, схватив мальчика одной рукой за шею, а другой за ноги, переломил ему спину о своё колено, отчего несчастный лишился*

жизни. Юнг, узнав об этом варварском поступке, жаловался королю и просил наказать убийцу. Король спросил Юнга: «Чей сын был убитый мальчик?» Получив ответ, что он принадлежал тому, кто его умертвил, он сказал: «Так как отец, убив своего сына, не причинил никому другого вреда, то и не подвергнется наказанию» [6, с. 139].

Также Лисянский вспоминает в своей книге о том, что ему довелось увидеть 8 октября 1804 г., в крепости, из которой спасавшиеся от русских ситкинские мятежники ушли ночью по тайному ходу: «Сойдя на берег, я увидел самое варварское зрелище, которое могло бы даже и жесточайшее сердце привести в содрогание. Полагая, что по голосу младенцев и собак мы можем отыскать их в лесу, ситкинцы предали их всех смерти» [6, с. 183]. Показательно, что в представлении аляскинских индейцев – не каннибалов и народа более культурно развитого, чем жители Маркисских или Гавайских островов – жизнь новорождённого ребёнка значила не больше, чем жизнь собаки.

Наблюдения русских мореплавателей позволяют составить адекватное представление о подлинном «гуманизме» первобытных сообществ охотников и собирателей и якобы присущих им «гармоничных» отношениях между родителями и детьми. Эти свидетельства служат убедительным подтверждением более поздних выводов теоретических противников Мид и Бенедикт о том, что нетребовательность и снисходительность по отношению к ребёнку часто свидетельствуют не о бережном отношении к его психике, а напротив, о полном отсутствии представления о детстве как о специфической возрастно-психологической категории, а следовательно и об особой ценности и неприкосновенности детской жизни (впрочем, и родительской – у детей – тоже). Очевидно, что в пресловутых примитивных сообществах, которые Мид и Бенедикт то ли по неведению восприняли, то ли злонамеренно представили как гуманные на том основании, что родители в них не порют детей и несовершеннолетним не запрещают заниматься сексом, взаимоотношения людей строятся в наибольшей степени на принципах «естественного отбора», биологической выживаемости (отсюда – уподобление островитян животным в книге Крузенштерна). Это в полной мере сказывается и на детях и порождает насилие над ними в таких чудовищных формах, какие просто невозможно сравнить с поркой розгами или запретом ходить на свидания до определённого возраста. Разумеется, к 1930 годам, когда производили свои исследования Р. Бенедикт и М. Мид, в жизни полинезийцев произошли, по сравнению с началом XIX в., значительные изменения: нравы смягчились, каннибализм был почти искоренён, детоубийства и отцеубийства перестали быть нормой... Тем не менее, базовые структуры менталитета, в частности, этика «естественного отбора» и восприятие детей, оставались прежними, и представления об особости, уникальности детства не существовало в принципе.

Напротив, требования дисциплины и послушания старшим и связанная с этим система надзора за детьми, контроля, поощрений и наказаний детей (включая телесные) свидетельствуют об утверждении в обществе представления об особом статусном характере детства и необходимости *защиты* этого статуса (т.е. обеспечения *любому* ребёнку возможностей не только физического существования, но и развития), о потребности в формировании у детей определённых социально полезных качеств, что характерно для сложных высокоразвитых в культурном отношении социумов. Разрушение этой парадигмы и замена её на первобытную практику социализации может в самом лучшем случае привести к примитивизации социума, уподоблению его первобытным сообществам с их диктатом физической силы и биологической приспособляемости – т.е. к результату, прямо противоположному гуманизации. Не случайно в последнее время именно брутальное биологическое начало подчёркивается и всячески культивируется в новинках молодёжной моды (популяризация татуировок и «боди-арта», музыка «хип-хоп» и R'n'B, кинематограф и др.). Однако некоторые набирающие сегодня силу на Западе процессы (например, постепенная легализация в Западной Европе и США табуированного у островитян Океании инцеста –

<http://liveangarsk.ru/blog/maxangarsk/20130605/intsest-novaya>) свидетельствуют, что, встав на путь всегда чреватой массовой патологизацией психики замены культурного кода, «цивилизованное» общество рискует не остановиться даже на стадии первобытной племенной этики, а опуститься до гораздо более низкого уровня «минус-этики», представление о котором можно пока получить только по гротескным художественным и кинематографическим произведениям жанров хоррор и «антиутопия».

Таким образом, если процесс насильственной реализации в отечественной педагогике и юриспруденции вредоносной концепции М.Мид не будет остановлен, сделанные Крузенштерном и Лисянским описания нравов и обычаев туземцев вполне могут в значительной своей части стать картинками нашего собственного не такого уж отдалённого будущего. И наоборот, борьба против навязанных нам, но разработанных на Западе «детозащитных» законов означает для россиян борьбу не только за собственную национально-культурную идентичность, но и против сползания в варварство, за сохранение в нашей стране культуры как таковой и человечности как таковой.

Всё вышесказанное позволяет утверждать, что ряд трудов участников первой русской кругосветной экспедиции 1803–1806 гг. и собранных ими сведений не просто не утратили своего значения до настоящего времени, но, напротив, могут именно сегодня быть использованы совершенно неожиданным образом – для обоснования насущной необходимости отказа от разрушительных экспериментов над семьёй, школой и (в конечном счёте) обществом и восстановления традиционной для социума с христианским менталитетом системы воспитания подрастающего поколения.

Список литературы:

- [1] Верн Ж. Всеобщая история географических открытий. – М.: ЭКСМО, 2008. – 896 с.
- [2] Капитан «Надежды» – И.Ф. Крузенштерн. – Яхтенный мир Online [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://www.ym-online.ru/opinion/121/?page=21>
- [3] Крузенштерн И.Ф. Первое российское плавание вокруг света. – М.: ЭКСМО, 2009. – 480 с.
- [4] Кук Дж. Плавание на «Индевре». – М.: ЭКСМО, 2008, 512 с.
- [5] Куканова И. Драма первой русской кругосветки. // «Волго-Невский проспект», №7 (25), 7.04.2006.
- [6] Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева». – М.: Дрофа, 2008. – 352 с.
- [7] Можейко И. Пираты, корсары, рейдеры. – М.: Вече, 2005. – 384 с.
- [8] Мусиенко Н. Жил отважный капитан... // «Правда», № 82(30000), 2 – 5.08.2013.
- [9] Первое русское кругосветное плавание. – Treeland [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: http://www.treeland.ru/article/luxterra/rukruugo/pervoe_russkoe_krugosvetnoe_plavanie.htm
- [10] Первое русское кругосветное путешествие. – Аз Буки Веди – «Я буду знать» [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: http://azbukivedi-istoria.ru/publ/geografija/pervoe_russkoe_krugosvetnoe_puteshestvie/6-1-0-113
- [11] Первое русское кругосветное путешествие на кораблях «Нева» и «Надежда». – Командор Резанов [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: http://rezanov.krasu.ru/epoch/neva_nad.php
- [12] Петров А.Ю. ...И что во все концы достигнет россов слава. // Загоскин Л., Шелихов Г. Путешествия к американским берегам. – М.: Дрофа, 2008. с. 5 – 16.
- [13] Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб.: Питер, 200. – 624 с.
- [14] Ципоруха М.И. Вокруг света под парусами. – М.: Вече, 2012. – 288 с.